

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ИЗМЕНЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ СОСЛОВИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1801 – 1815 ГГ.

Сергей Смирнов*

DOI 10.24833/2073-8420-2019-2-51-45-51

Введение. В статье рассматриваются вопросы нормативно-правового обеспечения индивидуальной социальной мобильности и приводятся примеры продвижения в состав политической элиты представителей дворянского и духовного сословий Российской империи в начале XIX в., включая принявших российское подданство иностранцев; отмечается роль неинституциональных факторов при работе социального лифта.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили диалектический, исторический, формально-юридический, критико-правовой методы в рамках цивилизационного подхода.

Результаты исследования. В начале XIX в. в Российской империи была модернизирована система вертикальной социальной мобильности, прежде всего в отношении представителей привилегированных сословий. Правовую основу механизма изменения индивидуального правового статуса составляли нормативно-правовые акты и сложившиеся за предшествующее столетие традиции вступления в службу дворянских детей. Указанные традиции можно рассматривать в качестве неинституционализированных практик продвижения по социальной лестнице. Двумя основными каналами социального лифта в России того времени для представителей привилегированных сословий являлись армия и государственная гражданская служба; придворная служба в рассматриваемый период утратила роль в качестве канала социального лифта.

С помощью указанного механизма в состав политической элиты страны продвигались представители дворянского сословия, а также отдельные представители духовного сословия. Этот механизм был рассчитан на применение в отношении как «природных» российских подданных, так и иностранцев, избравших служение России в качестве своего основного профессионального маршрута.

Дворяне Финляндии после 1809 г. получили институционально оформленные возможности для профессионального роста в рамках общероссийской системы государственной службы. Успешная карьера на государственной службе была возможна также для представителя иностранного государства, получившего российское подданство, но только при условии наличия хорошего образования и знаний в сфере профессиональной деятельности.

* **Смирнов Сергей Николаевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права Тверского государственного университета, директор Института непрерывного образования Тверского государственного университета, Россия.

e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

ORCID ID: 0000-0003-0758-7521

Обсуждение и заключение. Обоснована важная роль не только законодательных положений, но и действовавших факторов «неюридического» характера в процессе изменения индивидуального правового статуса, а также роль образования, которое уже к началу рассматриваемого периода превратилось в обязательное условие вхождения в состав политической элиты страны.

Введение

Проблематику социальной мобильности изучали и изучают многие исследователи. Наиболее активно это делают представители социологической науки.

Одним из наиболее актуальных аспектов вопроса социальной мобильности является аспект управления государством процессами социальной мобильности. Этот аспект нуждается в дальнейшей научной проработке не только в рамках социологии, менеджмента, но и в рамках правовой науки. Тем более, что проблематика социальной мобильности соприкасается с феноменом правового статуса личности и общественных групп, а данный феномен является предметом исследования прежде всего юридической науки.

В рамках историко-правовой науки можно проанализировать подход отечественного законодателя к юридическому оформлению механизма изменения представителями привилегированных сословий своего индивидуального правового статуса. Отдельные аспекты заявленной темы рассматриваются в научных трудах и учебных пособиях видных представителей отечественной историко-правовой науки И.А. Исаева, М.А. Исаева, В.М. Клеандровой, Н.В. Михайловой, Р.С. Мулукаева, Т.Е. Новицкой, Ю.П. Титова, В.А. Томсинова, О.И. Чистякова и др.

Факты, относящиеся к служебной карьере в России представителей финляндского общества, приводят в своих работах финляндские авторы М. Клинге, Ю. Невакиви, С. Хентиля, О. Юссила и некоторые другие.

Исследование

Настоящее исследование опирается на достижения в общей теории права, философии права, теории конституционного (государственного) права, теории управления. Эти достижения представлены трудами С.А. Авакьяна, С.С. Алексева, С.И. Архипова, М.В. Баглая, Н.В. Витрука, С.Г. Кисе-

лева, Б.А. Кистяковского, А.И. Коваленко, Е.И. Козловой, В.М. Корельского, Н.М. Коркунова, С.П. Кострикова, О.Е. Кутафина, А.А. Малиновского, А.В. Малько, М.Н. Марченко, Н.И. Матузова, В.С. Нерсесянца, В.Д. Перевалова, Р.А. Ромашова, В.В. Таболина, Е.Н. Трубецкого, Б.Н. Чичерина и других отечественных правоведов, а также трудами зарубежных исследователей.

Метод исследования в настоящей работе базируется на цивилизационном подходе и включает в свой состав диалектический, исторический, формально-юридический, критико-правовой и некоторые другие методы.

Настоящее исследование проведено автором в рамках научной работы над проблематикой законодательного оформления правового статуса человека и социальных групп в России.

В фокусе нашего внимания в настоящей работе находится, говоря языком юридической науки, организационно-правовой механизм мобильности, или, как выразились бы социологи, «институциональный субстрат мобильности» [9]. Соответственно, материалами исследования являлись, в первую очередь, нормативно-правовые акты. Рамками предмета исследования охватываются также некоторые обстоятельства «неюридического», неинституционального характера, к которым мы относим некоторые традиции, личные связи, проявленные в ходе служебной деятельности личные качества и т.д.

Мы рассматриваем как нормативно-правовые основы механизма изменения индивидуального правового статуса, так и результаты его работы – факты биографии российских деятелей начала девятнадцатого столетия. Такой подход объясняется тем, что конкретизацией каналов и механизма социальной мобильности является (по выражению С.А. Просольченко) совокупность неинституционализованных и институционализованных социальных практик изменения социального положения [5]. В связи с вышесказанным представляется естественным первоочередное внимание таким

социальным институтам мобильности, как армия и государственная гражданская служба. Появились, по нашему мнению, предпосылки становления в данном качестве системы образования [1, 4]. В качестве последних мы отмечаем развитие системы учебных заведений и введение по инициативе М.М. Сперанского обязательных экзаменов для государственных служащих¹.

При этом мы ограничим понятие «элиты» и будем рассматривать только ее, если можно так выразиться, «административно-политический» и «военно-командный» компоненты. Таким образом, продвижение в состав, например, культурной или церковной элиты страны не является предметом настоящего исследования. Применительно к настоящей работе мы будем обозначать интересующие нас компоненты российской элиты термином «политическая элита». Продвижение в состав элиты осуществлялось в ходе процесса, именуемого в социологии «вертикальной социальной мобильностью» [3] и который на языке правовой науки можно обозначить как изменение правового статуса индивида.

Политическая элита России в рассматриваемое время была сплошь дворянской по своему сословному статусу. Немногие известные факты, когда в силу стечения обстоятельств, заметную роль в государственном механизме играли лица, не обладающие дворянским званием, только подтверждают указанное выше правило. Факты-исключения были весьма немногочисленны, а период их действия – кратким. Самый известный пример – М.М. Сперанский, который по поручению министра В.П. Кочубея играл значительную роль в министерстве внутренних дел и делал личные доклады императору.

Нормативной основой изменения индивидуального правового статуса являлось, в частности, признаваемое законодателем и закрепленное традицией пожалование дворянского достоинства императором. При этом еще с времен императора Петра I был отработан механизм получения потомственного дворянства личными дворянами по

мере продвижения их по ступеням военной, гражданской или придворной службы. Нормативной основой этого механизма являлась Табель о рангах 1722 г.² Другими словами, звание потомственного дворянина было следствием успешной служебной карьеры личного дворянина, результатом достижения им определенных служебных рангов или получения определенных государственных наград.

Результаты исследования

Роль государственной службы была приоритетной и применительно к мобильности внутри категории потомственного дворянства. Лишь достижение высших рангов на службе позволяло потомственному дворянину войти в состав политической элиты.

Прежде всего отметим такое обстоятельство, как резкое сокращение в первые годы XIX в. роли придворной службы в качестве канала индивидуальной социальной мобильности.

Наиболее быстрым вариантом социального лифта являлась военная служба. При этом дворяне пользовались не только законодательно зафиксированными возможностями служебного роста (получение воинских званий, военных наград, командных должностей), но и возможностями «неинституционализированных практик». К этим практикам мы относим традиции записи малолетних дворянских сыновей в военные части (без реального прохождения военной службы) и даже случаи зачисления в военные учебные заведения без реального обучения в них.

Император Александр I уже в первые месяцы своего правления сократил штат придворных и упразднил придворную канцелярию³. Обратим внимание на жесткую формулировку указа об упразднении канцелярии: «яко излишнюю и вовсе не нужную». В дальнейшем император изменил правовой статус нескольких придворных чинов, превратив их из самостоятельных служебных

¹ Именной указ, данный Сенату «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские ассессоры и статские советники» от 6 августа 1809 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXX. СПб., 1830. № 23771.

² Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако же воинские выше прочих, хотя бы и старше кто в том классе пожалован был // Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. СПб., 1830. № 3890.

³ Именной указ, данный Придворной конторе «О штате по придворному ведомству» от 18 декабря 1801 г. // Полное собрание законов Российской империи Т. XXVI. СПб., 1830. № 20079.

рангов в знаки отличия и внимания⁴. В итоге серии реорганизаций придворная служба фактически утратила свою роль как самостоятельного канала социальной мобильности.

Правовые основы прохождения военной службы были заложены в предшествующий период, однако в начале XIX в. были изданы некоторые нормативно-правовые акты, регламентировавшие отдельные стороны военной службы Российской империи. Прежде всего необходимо отметить принятое в 1812 г. «Учреждение для управления Большой действующей армии»⁵.

Самый яркий пример действия данного вида социального лифта, с нашей точки зрения – биография М.Б. Баркляя-де-Толли. Сын поручика, дворянин всего во втором поколении, за 32 года прошел служебный путь от корнета до военного министра, за 36 лет – от корнета до фельдмаршала.

У сына потомственного дворянина, адмирала В.Я. Чичагова – П.В. Чичагова – путь от начала военной службы до должности министра морских сил занял 23 года; от звания сержанта до звания адмирала – 28 лет.

Павел Пестель, сын сенатора, тайного советника, будущего генерал-губернатора Сибири И.Б. Пестеля, был в 1803 г. заочно записан в Пажеский корпус, но лишь в 1810 г., после возвращения в Россию, приступил к реальному обучению в корпусе. При этом попасть на занятия в это престижное учебное заведение ему удалось только благодаря влиянию отца, обратившегося к самому императору Александру I [2. С. 36-38]. В дальнейшем П. Пестель был определен на военную службу, проявил способности и храбрость, получил несколько наград, в т.ч. иностранных, и повышение в воинском чине. Таким образом, налицо вновь пример использования правового механизма продвижения по служебной лестнице в сочетании с факторами «неюридического» порядка в виде личных способностей и личной отваги.

Как мы видим, потомственным дворянам с хорошими личными связями в придворных кругах и военной элите удавалась более результативная военная карьера, нежели потомственным или личным дворянам без

таковых связей. При этом мы должны понимать, что во многих дворянских семьях в формате домашнего воспитания обеспечивалась необходимая подготовка к военной службе. Сама же военная служба от отпрысков видных дворянских фамилий требовала командных способностей и личной храбрости.

Еще один предусмотренный законодательством и отработанный вековой практикой вариант индивидуальной социальной мобильности – государственная гражданская служба. На гражданскую службу потомственных и личных дворян и их детей принимали без каких-либо ограничений. Представителей духовного сословия принимали, скажем так, в виде исключения. Законодатель предусмотрел такую возможность, но – по решению Правительствующего сената.

Стремительной была карьера крупнейшего российского администратора начала XIX в. М.М. Сперанского. Через 13 лет государственной службы он занял второй после императора пост в государственном механизме – должность государственного секретаря. Как мы знаем, Сперанский по происхождению был сыном сельского церковнослужителя. Кстати говоря, Сперанский, чтобы напоминать самому себе о своем происхождении и бедном детстве, раз в год ночевал в чулане на лавке, покрытой овчинным тулупом [8. С. 31]. Но мы также должны помнить, о влиятельных людях, принявших личное участие в его судьбе. Пример Сперанского говорит о важности роли неюридических и неорганизационных факторов в работе социального лифта.

В биографии еще одного выходца из семьи священнослужителей – сына священника из восточнословацких земель в составе Австрийской империи М.А. Балугьянского – неюридический фактор в виде персонального приглашения в 1803 г. на работу в Россию сыграл также немаловажную роль. Ну а далее основную роль в его продвижении сыграли его личные способности и, что не стоит недоучитывать, сама обстановка модернизации и развития, которая была в России и которую инициировал император Александр I. Балугьянского, как пишет

⁴ Именной указ, данный Сенату «О неприсвоении званиям камергеров и камер-юнкеров никакого чина ни военного ни гражданского, и об обязанности лиц, в сих званиях состоящих, вступить в действительную службу и продолжать оную по установленному порядку с первоначальных чинов» // Полное собрание законов Российской империи Т. XXX. СПб., 1830. № 23559.

⁵ «Учреждение для управления Большой действующей армии» от 27 января 1812 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т XXXII. СПб., 1830. № 24975.

Б.К. Тебиев, «ждала блестящая карьера ученого-экономиста, разработчика реформаторских программ» [7]. Правда, в состав политической элиты М.А. Балугьянский вошел уже за пределами хронологических рамок настоящей работы, в годы правления императора Николая I.

Е.Ф. Канкрин, прибывший из Германии на русскую гражданскую службу в 1797 г. (вслед за отцом), за 15 лет проделал служебный путь до чина генерал-майора, за 26 лет – до министра финансов. К моменту начала русской службы у молодого Канкринна было хорошее европейское образование – в университетах Гисена и Марбурга и определенная фамильная известность, заработанная отцом [6. С. 38].

Возможна была карьера на государственной службе, но не в органах управления, а, говоря современным языком, в учреждениях социальной сферы. Иллюстрацией являются биографии Е.И. Паррота, представителей династии Анжу и др. [11].

Примеры Баркляя-де-Толли, Сперанского, Канкринна, Балугьянского и других деятелей свидетельствуют не столько о равных возможностях всех российских подданных в реализации своих способностей, сколько об отсутствии предубеждения у российских монархов по отношению к людям, вышедшим не из кругов знатного дворянства.

После присоединения в 1809 г. к Российской империи Финляндии в статусе великого княжества был запущен механизм служебного роста финляндских дворян в общероссийском масштабе. Конкретные факты

и цифры приводит, например, О. Юссила [10. С. 152-156]. В рассматриваемый период целый ряд представителей финляндского общества финской и шведской этнической принадлежности сделали выбор в пользу службы в масштабах всей Российской империи⁶.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что в период с 1801 г. по 1815 г. в Российской империи использовались различные каналы индивидуальной социальной мобильности.

Функционировал организационно-правовой механизм изменения индивидуального правового статуса, с помощью которого в состав политической элиты страны продвигались представители привилегированного дворянского сословия, а также отдельные представители духовного сословия.

Правовую основу указанного механизма составляли нормативно-правовые акты и сложившиеся за предшествующее столетие традиции вступления в службу дворянских детей. Эти неинституционализированные практики продвижения по социальной лестнице давали преимущество выходцам из влиятельных дворянских фамилий.

Одной из особенностей рассматриваемого периода является юридически закрепленная и повышающаяся роль образования и профессиональной подготовки. Хорошее образование являлось обязательным условием для лица, претендующего на вхождение в состав политической элиты.

Литература:

1. Андреев А.Ю. История научной аттестации в высших школах Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1.
2. Киянская О.И. Пестель. М., 2005.
3. Николенко Н.А. Социальная мобильность в научном дискурсе общественных наук // Logos et Praxis. 2014. № 4 // <https://cyberleninka.ru>.
4. Посохов С.И. Университеты Российской империи в советской историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 4.
5. Просольченко С.А. Социальная мобильность как объект социального управления. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Пятигорск, 2010.
6. Смирнов С.Н. Общество. Право. Война. История государственно-правового развития и социальной стратификации Российской империи и западноевропейских стран в контексте военно-политических конфликтов 1806 – 1815 годов. Монография. М., 2019.

⁶ Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий / Под ред Т. Вихавайнена [пер. с финского]. Хельсинки, 2004.

7. Тебиев Б.К. Михаил Андреевич Балугьянский (1769 – 1847) // Экономический журнал. 2014. № 2 (34) // <https://cyberleninka.ru>.
8. Томсинов В.А. Сперанский. М., 2006.
9. Черныш М.Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2005.
10. Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809-1917. Хельсинки, 2009.
11. Tohvri E. Georges Frederic Parrot and his friendship with two great men—the French scientist Georges Cuvier and Emperor Alexander I of Russia // Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum. 2018. Volume 6 (2).

THE LEGAL MECHANISM FOR CHANGING THE INDIVIDUAL LEGAL STATUS OF REPRESENTATIVES OF THE PRIVILEGED CLASSES IN THE RUSSIAN EMPIRE IN 1801-1815.

Introduction. The article deals with the issues of policy environment for individual social mobility. It provides the examples of promotion of representatives of the noble and spiritual estates (including foreigners who took Russian citizenship) of the Russian Empire in the early 19th century; the role of non-institutional factors in upward mobility is noted.

Materials and methodology. The methodological basis of the study includes the dialectical, historical, formal-legal, critical-legal methods in the framework of the civilizational approach.

Results of the research. At the beginning of the XIX century the system of vertical social mobility was modernized in the Russian Empire, primarily in relation to the representatives of the privileged classes. The legal basis of the mechanism of changing the individual legal status included the normative legal acts and the traditions of joining the service by children from nobility that had developed over the previous century. These traditions can be considered as non-institutionalized practices of advancement on the social ladder. The two main channels of social lift in Russia at that time for representatives of the privileged classes were the army and the state civil service; court service in that period lost its role as a channel of social lift.

With the help of this mechanism, representatives of the noble class, as well as individual represen-

tatives of the spiritual class, were promoted to the political elite of the country. This mechanism was designed to be applied to both “natural” Russian nationals and foreigners who chose to serve Russia as their main professional career. After 1809 the nobles of Finland received institutional opportunities for professional growth within the Russian system of public service. A successful career in the civil service was also possible for a representative of a foreign state who received Russian citizenship, but only if they had a good education and knowledge in the field of professional activity.

Discussion and conclusions. The author substantiates the importance of not only the legislative provisions, but also of the existing factors of “non-legal” nature in the process of changing the individual legal status, as well as the role of education, which by the beginning of the considered period had become a prerequisite for joining the political elite of the country.

Sergey N. Smirnov,
Candidate of Sciences (Law), Associate
Professor with the Department of Legal Theory
of Tver State University, Director of the In-
stitute of Continuous Education of Tver State
University, Russia.

Ключевые слова:

Россия, правовой статус, элита, дворянское сословие, социальная мобильность, социальный лифт, государственная служба, образование.

Keywords:

Russia, legal status, elite, nobility, social mobility, upward mobility, public service, education.

References:

1. Andreev A.Yu., 2019. Istorija nauchnoj attestacii v vysshih shkolah Rossijskoj imperii [The history of awarding Academic degrees in Higher Education institutions in the Russian Empire]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Istorija* [Herald of Saint-Petersburg University. History]. Volume 64. Issue 1.
2. Kijanskaja O.I., 2005. Pestel' [Pestel]. Moscow.

3. Nikolenko N.A., 2014. Social'naja mobil'nost' v nauchnom diskurse obshhestvennyh nauk [Social mobility in the scientific discourse of social Sciences]. *Logos et Praxis*. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru>.
4. Posokhov S.I., 2018. Universitety Rossijskoj imperii v sovetskoj istoriografii [The universities of the Russian empire in the Soviet historiography]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Istoriya Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Istoriya [Herald of Saint-Petersburg University. History]*. Volume 63. Issue 4.
5. Prosol'chenko S.A., 2010. Social'naja mobil'nost' kak obekt social'nogo upravlenija [Social mobility as an object of social control]. Avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. Pjatigorsk.
6. Smirnov S.N., 2019. Obshhestvo. Pravo. Vojna. Istoriya gosudarstvenno-pravovogo razvitija i social'noj stratifikacii Rossijskoj imperii i zapadnoevropejskih stran v kontekste voenno-politicheskikh konfliktov 1806 – 1815 godov [Society. Right. War. History of state-legal development and social stratification of the Russian Empire and Western European countries in the context of military-political conflicts of 1806 – 1815]. Monograph. Moscow.
7. Tebiev B.K., 2014. Mihail Andreevich Balug'janskij (1769 – 1847) [Mihail Andreevich Balugyanskiy (1769 – 1847)]. *Jekonomicheskij zhurnal [Economic magazine]*. № 2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru>.
8. Tomsinov V.A., 2006. Speranskij [Speransky]. Moscow.
9. Chernysh M.F., 2005. Social'nye instituty i mobil'nost' v transformirujushhemsja obshhestve [Social institutions and mobility in the transforming society]. Avtoref. dis. ... d-ra sociol. nauk. Moscow.
10. Jussila O., 2009. Velikoe knjazhestvo Finljandskoe 1809 – 1917 [Grand Duchy of Finland 1809 – 1917]. Hel'sinki.
11. Tohvri E., 2018. Georges Frederic Parrot and his friendship with two great men—the French scientist Georges Cuvier and Emperor Alexander I of Russia. *Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum [History Acta Baltica and philosophy]*. Volume 6 (2).